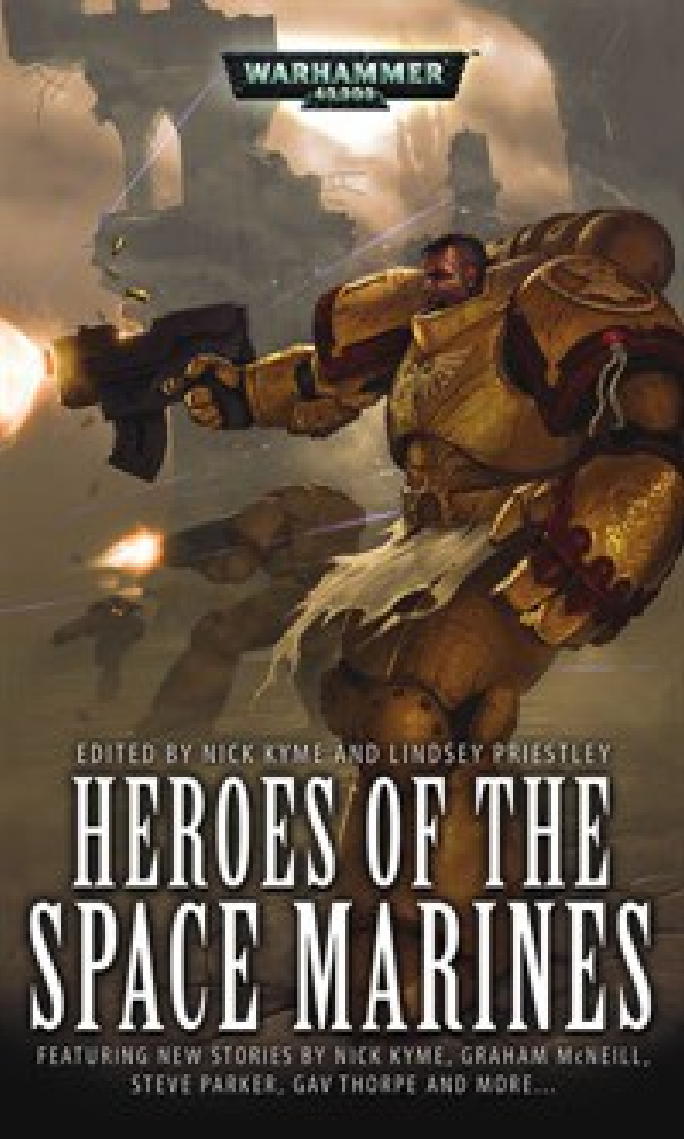

The background of the cover is a dramatic illustration of a Space Marine in full golden armor, leaping through a cloudy, battle-torn sky. He is holding a large, black power fist in his right hand, which is extended forward. In his left hand, he carries a large, cylindrical object, possibly a canister or a piece of equipment. The sky is filled with smoke, fire, and the silhouettes of other Marines in the distance. The overall tone is heroic and intense.

WARHAMMER

40,000

EDITED BY NICK KYME AND LINDSEY PRIESTLEY

HEROES OF THE SPACE MARINES

FEATURING NEW STORIES BY NICK KYME, GRAHAM McNEILL,
STEVE PARKER, GAV THORPE AND MORE...

Благородство злодеев (из сборника
"Герои Космического Десанта") Дилан
Оуэн

"Контакт ноль-тридцать!"

"Уверен, Сцеволла? Я ничего не вижу."

"Положись на меня, Ларсус!"

Сцеволла спустил курок своего болтера.
Дюжина снарядов рывнула в непроглядном
зелёном

тумане, и из хтары впереди них раздалась
крики. Он и его люди тяжёлой поступью
устрелились на

звук – восемь массивных воинов в чёрной
силовой броне, отделанной золотом.
Правый наплечник

украшал пылающий глаз, совмещённый со
звездой Хаоса с восьми зубцах: эмблема
Чёрного Легиона.

Воины издавали свирепые крики радости.
Они проделали долгий путь через пустоту
к этой

бесплодной, укутанной туманом планете,
но теперь могли спустить пар на
ожидавших впереди

приспешниках Ложного Императора.
Сцеволла едва ли не жалел врагов. Один из
них был нужен ему

живым, чтобы узнать, куда судьба
направила его, и выяснить имя человека,
которого он искал с тех

пор, как год назад видения заставили его
покинуть Око Ужаса.

Кошмар всегда был причиной,
побуждавшей Сцеволлу выводить людей на
очередную охоту. Год

назад он с криком очнулся от подобного
сновидения: серебристые немигающие
глаза, проникшие в

его сон. Чутьё заставило его направить
свой боевой фрегат, Коготь Эззелита, из
изменчивых сфер

Ока Ужаса в реальность Имперского
пространства. Последовательность
знамений привела его в этот

мир смертельных туманов. Множество
боевых кораблей, расписанных символами
Губительных Сил,

блокировали планету; между ними

грейфовали останки Улперских сугров.
Козоть обогнул их и
приземлился незачеченным посреди
низких, уккрытых туманом холмов на
континенте, разорённом
войной. В километре от них раскинулся
осаждённый город, к которому влекло
мистические чувства

Сцеволлы. В какой бы момент он ни
закрывал глаза, образ венценосного черепа
пылал перед

внутренним взором, и он знал, что
человек, которого он должен убить,
командует местными
защитниками.

Лазерные выстрелы засвистели мимо и
зашлёпали по броне воинов, не причиняя
вреда. Сцеволла

ощутил, как один задел его висок, но не
почувствовал боли. Он засадил в туман
очередную дюжину

выстрелов, в ответ на каждый раздавался
крик, в этот раз более близкий. Слева от
него Опус, самый

здоровый в отдалении, заревел
немелодичную боевую заунывную пог
аккомпанемент грохота
своей автопушки.

Ряды людей в серой военной форме
проявились в тумане, как призраки; шлемы
с противогазами

придавали им вид пришельцев: широко
распахнутые чёрные глаза и
металлические хоботы. На

шлемах солдат был изображён серебряный
двуглавый орёл, символика Имперской
Гвардии. Первая

шеренга взвода стояла на колене, вторая --
в полный рост с лазерными ружьями
наготове, нависшие

скорчились на земле. Бесплотные зелёные
щупальца исследовали живых и ласкали
мёртвых.

Сержант крикнул, и последовал ещё один
залп, но слепящий поток лишь впустую
отыл силовую

броню нападавших. Сцеволла невозмутимо
выпустил болт и увидел, как голова

сержанта

разлетелась на мясо и кости. Он не ожидал, что столкнётся с кем-либо из защитников планеты так

скоро после высадки с Когтя.

Возможно, этот взвод солдат заблудился в тумане точно также, как и его отделение.

Сцеволла и его люди вломились в ряды врагов. Когда человек вступает в бой, его ощущение

времени замедляется. В случае Сцеволлы, первая секунда стычки застывала совершенно. Он окинул

взглядом картину предстоящего истребления. Онус распекает песню, без сомнения сопровождающую

дьявольский хор, беспрестанно звучащий внутри его черепа, лысая голова, глаза закатились в

орбитах, смерть, выплёвываемая его автомашкой, висит в воздухе. Слева от Онуса — Шарн, безликий

шлем лишён даже отверстий для глаз, его

огнемёт обдаёт солдат жидким
пламенем. Ещё дальше --

Ферокс, голова перекинута назад под
нестественным углом, когда скользкий
стебель блестящей

мышцы с щёлкающими зубами на конце
начал появляться из его рта. Впереди --

Укарүс, лицо

искажено страданием, кровавые слёзы
застыли на щеках; там, где цепной топор
отрубил конечности

противника, воздух расцвечен багрянцем.

Укарүс оплакивает свои жертвы, которые
никогда не

познают радости служения истинным
богам.

Сцеволла бросил взгляд направо.

Лейтенант Ларсүс располовинил

гвардейца своим цепным

мечом и застигнут во время стеха,

стакующим кровь, плеснувшую ему в лицо.

Ещё дальше,

возвышаясь над врагами, стоит Сүргит,

силовой меч в ножнах, пистолет в кобуре,

рогатый шлем

изучает взвод в поисках достойного
соперника. И, наконец, Манекс,
разряжающий два своих

болт-пушолета потоками зарядов в
строй неприятеля, пена у рта, глаза
выкачены от хитикалий,

поступающих в мозг по трубкам,
встроенным в его броню. Пока Сцеволла
наблюдал за своим

отделением, в его груди поднималась
гордость. Бесчисленные зоны военных
действий отточили их

боевые навыки, и ни один ещё ни разу не
подвёл его.

Застывшая сцена потекла, неподвижные
фигуры вернулись к жизни. Тела
дрогнули у ног

Укаруса и Ларсуса, каждый из них был
размытым вихрем ценных клинков,
обратительный язык

Ферокса извивался среди солдат, обдирая
плоть, его пальцы вытягивались в ужасные
режущие

когти. Яростный огонь оружия Манекса
разрывал тела, Онүс во весь голос ревел
непостижимую

оперу, подхватываемую смертельными
проигрышами его автомашки, а Шарн в
это время выжигал

дыру в рядах противника. Воины Чёрного
Легиона, хоть и будучи в меньшинстве,
отхватывали

куски кровавой добычи от шеренг
Имперских Гвардейцев, чьи штыки не
могли пробить силовую

броню. Попытки бойцов задавить
нападавших массой напоминали океан,
тщетно набрасывающийся

на защитную дамбу.

В схватку ворвался комиссар в маске в
форме злобного черепа и с поднятым
силовым мечом,

призывая солдат биться до последнего,
сражая тех, кто постел сделать шаг
назад. Сүргит, не

обращая внимания на лазерный огонь,
свистящий вокруг него, триумфально

растелеялся, вытацил

силовой клинок и начал прокладывать
путь через солдат, чтобы встретиться с
офицером один на
один.

Сцеволла получил удар штыком и
выстрелом из своего болт-пистолета
проделал дыру в черепе

его хозяина. Ещё несколько лезвий
вонзилось в броню. Сцеволла отступил
назад, стреляя без

разбора, и штыки скрылись в тумане. На
месте остался единственный солдат,
сжимающий

повреждённое предплечье. Сцеволла
протянул свою левую руку и когтём
бронированной рукавицы

осторожно провёл по коже противогаза. Он
заговорил тихим голосом. "Какой сейчас
год? Что за

планета? Кто командует твоими
врагами?"

Из-под противогаза слабо донёлся
сдавленный голос.

"Пл... планета? Зинкали VJ. Мы
сражается с предательским Лордом
Х'раксором. Гог? Э...

зачем...?"

"Кто командует вашей обороной?"

"Капитан Деметрос... Имперские Кулаки
... он вычистит вашу скверну. Император
защищает..."

По мановению увенчанных когтями
пальцев Сцеволлы противозаз слетел,
открывая бледное лицо

с изумлёнными глазами. Боец глубоко
вдохнул и согрознулся. Он схватился своей
здоровой рукой за

шею, рот широко открылся, в горле
забубльвало, и на глазах Сцеволлы тёмно-
зелёные мясистые

ростки вырвались из рта солдата, забивая
его глотку. Человек упал на колени, из его
ноздрей

прорастали маленькие лозы. Он завалился
набок со сдавленным стоном, глаза
остекленели, и его

тело за несколько секунд было спелёнуто

растениями, корни которых вползли в
чёрную землю,
пришпиливая трүн к грунту.

Сцеволла глубоко вдохнул; воздух, богатый
спорами, был горьким на вкус. Он
устехнулся над
слабостью низшего человека.

Звук битвы стихал. Те немногие
Имперские Гвардейцы, что пережили
нападение, исчезли в

зелёном тумане, как призраки. Там, где
когда-то стоял упорядоченный строй
полных решимости

солдат, теперь лежали груды
искалеченных тел; зелёные побеги росли из
кровавых ран, через

которые из тумана в плоть проникли
мельчайшие споры. В тех местах, где
огнём Шарна испепелил

полумёртвые тела, почва горела, и в
зареве огня Укарус бормотал над трүнами
Литанию Проклятия.

Он сжимал Манекса железной хваткой,
удерживая того, пока не схлынет безумие.

Ферокс

испытывал обратное превращение, его
руки уже стали человеческими,
угревидный отросток

исторгал из себя куски полупереваренного
мяса, втягиваясь обратно в расширенный
рот. За

выдающуюся доблесть боги благословили
Ферокса мутациями, которыми его плоть
взрывалась при

возникновении угрозы. Хотя товарищи и
испытывали перед Фероксом благоговение,
Сцеволла не

разделял их восхищения. Он помнил
старого Ферокса, поглощённого этими
дарми -- того, кто

поддерживал боевой дух отделения своими
непринуждёнными манерами и
находчивостью, уже

давным-давно канувшими в Лету.

Сургита нигде не было видно. Сцеволла
выкрикнул его имя.

"Здесь!" Рога на шлеме воина пригали ему
демонический вид, когда он возник из

липкого тумана,

неся голову комиссара. Он фыркнул.
"Соперник подкачал. От ненависти стал
неуклюжим. Только

свой клинок затарал."

"Ты привёл нас на отличную битву,
капитан." Ларсус приблизился, улыбаясь
Сцеволле через

маску засыхающей крови. "Ты всегда на
высоте. Наша добыча здесь?"

"Его зовут Деметрос. Вигения были
истинными. Он командует силами Трүпа-
Императора." Голос

Сцеволлы потрачнел. "Лейтенант, тебе
никогда не надоедало преследование?"

Ларсус постучал по изображению Глаза
Хоруса на правом наплечнике Сцеволлы.
"Никогда. Пока

ты сражается, наследие Воителя
продолжает жить."

Сцеволла и его люди обрели боевое
мастерство и связали себя узами крови и
насилия в ходе

Великого Крестового Похода ложного

Императора. В те дни они были Лунными
Волками, невинными
душами, не видящими слабости
Императора; их доспехи были белы. Затем
Хорус, возлюбленный
Воитель, убрал шоры с их глаз, и они
сражались, как его преданные Сыны, за свое
освобождение из
оков ложного Императора. На грани
победы Воитель пал, а его Легион нашёл
пристанище в
укрывающих тенях Варна, где стал
известен, как Чёрный. В отражение скорби
и позора Легиона
силовая броня его воинов была покрыта
чёрным лаком, но края доспехов были
отделаны золотом,
ибо даже самая тёмная ночь изгоняется
проблеском нового рассвета. Люди
Сцеволлы верили, что
каждый уничтоженный или приспешник
Труна-Императора приближает новый
золотой век их
Легиона.

Воспоминания Сцеволлы об этих днях
испещряли рубцы, оставленные гневом и
предательством.

Прошлое неотступно преследовало его
лицом убитого товарища. Боль не
притупилась за... сколько

лет? Сто, тысячу... десять тысяч? Время
было изгнано из Ока Ужаса, жизнь
Сцеволлы глупила

единым призрачным бытиём, пока его не
выкидывало в реальность для исполнения
обета.

Ларсус нарушил задумчивость Сцеволлы.
"Капитан, что за печальное лицо? Наша
маленькая

победа недостаточно сладка?"

"Нүстяки," -- Сцеволла потряс головой,
чтобы очистить свой ум. "Собирай псов,
лейтенант. Давай

поглядим, куда нас вывел след."

Сцеволла прижался к выступу холма.
Бесчисленные боевые знамёна, увешанные
окровавленными
трофеями, пронзали море зелёного
тумана, волновавшееся в долине внизу.
Казалось, что низина
согрозается под ногами наступающей
скрытой армии. Бронзовые башни
штурмовых танков и
верхушки корпусов пехотных
транспортёров, увенчанные шипами,
напоминали бесчисленный флот
морских судов, бороздящий бесплотные
волны. Между ними пробиралась пара
десятков исполинских
боевых машин, лязгающих на шести
стальных ногах подобно кошмарным
металлическим паукам. Все
это полчище устремлялось к горизонту,
где из тумана островом вырастал
термитник циклопических
зданий. Городские зиккураты сверкали
миллионами точек света, их верхушки
исчезали в красных

ореолах, и тысячи труб извергали дым в небеса. Город-фабрику опоясывала стена, по сравнению с

которой казались карликами даже лязгающие боевые машины. Титанические бастионы охраняли

периметр, их пушки плевались плазмой в накатывающую орду. Среди сомкнутых серых шеренг

солдат, комплектуемых оборону, стояли фаланги воинов в силовой броне, выделявшиеся

ярко-жёлтым цветом, на величавых знаменах был изображён сжатый чёрный кулак на белом поле;

Костические Десантники Имперских Кулаков деятельно участвовали в защите.

Ларсус, скорчившийся рядом со Сцеволлой, тихо присвистнул. "В городе десять миллиардов душ.

Х'раксор хочет навалить гору из черепов."

"Нет, -- ответил Сцеволла шёпотом. -- Если бы он желал лишь трофеев, он напал бы на менее

защищенную тишень."

В долине хлопнули взрывы, жёлтые цветы на короткое время разорвали туман, явив группу

искалеченныхtrupов, и горящий танк взлетел в воздух, приземлившись с грандиозным взрывом.

Сцеволла попробовал воздух на вкус. "Эти туманы богаты белком. Возможно, мануфактуры этой

планеты преобразуют атмосферу в еду. Разрушение этого мира может вызвать дефицит на тех

имперских аванпостах, что он кормит. Это начальная фаза основного вторжения. У Х'раксора

большие амбиции. Позволим ему развлекаться своей войнушкой, пока он не мешает нашей миссии.

Наша добыча в городе. Я чувствую это. Мы должны добратсья до него быстро, до того, как

защитников сметут."

"Там." Ларсус указал на боевой танк Лэнг

Рейдер в бронзовой броне, украшенной крюками и

шипам, направлявшийся мимо подножия холма на поддержку войскового резерва.

"Украдем
машину."

Сцеволла кивнул. "За работу, лейтенант."

Пока Ларсус отдавал приказы отделению, ожидавшему в тылу, Сцеволла снял со своего

гранатного пояса маленький серебристый диск и перекинул переключатель на его корпус с богатой

отделкой. Подняв устройство к губам, он поцеловал его, затем послал по дуге в машину внизу.

Раздалась вспышка, и танк остановился, взрыв двигателя, корпус подёрнулся рябью голубых искр.

Сцеволла и его отделение ринулись вниз с холма сквозь туман. Мутировавшие солдаты,

использовавшие машину, как укрытие, бродили рядом в замешательстве,

приглушённые проклятия

раздавались из-под грубых респираторов, хватывавших их рты.

"С дороги, мразь!" -- проревел Ларсус, сбивая с ног тех солдат, которые не потрудились убраться с

пути. Мутанты, бубня себе под нос, побежали прочь, толкая друг друга.

Ферокс и Укарус запрыгнули на верх машины, в то время как остаток отделения окружил её. Из

верхнего люка танка показался член команды, голубые искры порхали по его толстой силовой

бронировке. Укарус выдернул его наружу и утихомирив болтом. Ферокс скользнул в отверстие.

Последовал приглушённый рёв, потом гверь, ближайшая к Манексу, поползла, открываясь, и еще

один танкист вылетел наружу, его бронзовые доспехи зияли ранами. Манекс напизговал его

болтами.

"Хорошая работа, братья." Ларсус
заглянул в открытую дверь. Внутрь
забрызганных кровью

интерьеров танка ферокс оседлал
третьего члена экипажа, его голова была
закинута назад, и

тягистый угорь тянулся изо рта,
высасывая внутренности жертвы.

"Внутрь," — поторопил Сцеволла. Он
последовал в машину за своим отделением
и указал на

кормящегося ферокса. "Утихотирьте его."
Ларсус мягкими движениями и спокойным
голосом

отвлек того от добычи. Угорь уже
начинал втягиваться внутрь глотки,
недавно съеденное шлепалось
на пол.

Укарус расположился перед пультом
управления, голубые искры, танцевавшие
по консоли,

шипели, как утирающий костёр. Он нежно
нажимал переключатели по мере того,
как они

возвращались к жизни. "Питание
восстанавливается. Да, она приходит в
себя. Я думаю, что мы ей
нравится. Она находит нашу выходку...
забавной."

Дверь и люк с лязгом заграулись, кабина
содрогнулась, когда двигатели взревели, и
Лэнг Рейдер
вперевалку двинулся вперёд. Внутри,
стены тёрликали и подмаргивали новому
экипажу тириатом
глаз.

Лэнг Рейдер летел по полю битвы, давя
солдат-мунантов своими гусеницами.
Туман заволакивал
смотровые щели, но разведданные,
введённые в процессор машины, направляли
его к пункту
назначения -- яростно обороняемым
воротам в городской стене. На полпути в

корпус Лэнг Рейдера

попала ракета, и демонический дух
завопил в агонии, но повреждения были
поверхностными. Вскоре

из тумана выросли ворота, их опускающая
решётка была покорёжена и опалена.
Полукруг извращённых

тумантских трюнов отмечал границы
простреливаемой зоны вокруг фундамента
ворот; в неё

стекались солдаты Х'раксора, вызывающе
распевая, пока защитники расходовали на
них свои

драгоценные боеприпасы.

Как только Лэнг Рейдер попал в пределы
досягаемости башен, охранявших подступы
к воротам,

на него обрушился непрерывный огонь. Опус-
к выскочил из головы и плечи из люка машины,
чтобы

обстрелять защитников паранетов
продольным огнём турельного орудия,
равнодушный к лазерным

выстрелам, свистевшим в сантиметрах

от его лица, и к взрывам, сотрясавшим
корпус. Лазерные
пушки Лэнг Рейдера разрядились в
слабеющие ворота, но створки поглотили
огонь, оставшись
невредимыми.

"Тараньте ворота!" -- в отчаянии приказал
Сцеволла. Все, сидевшие в пехотном
отсеке,

напряглись. Манекс глубоко вдохнул из
своих трубок с токсинами, а Ферокс начал
выкашливать нити

слюны. Сцеволла знал, что они должны
будут эвакуироваться прежде, чем жажда
крови и гар

Тёмных Богов возьмут верх.

"Тараньте немедленно!"

Лэнг Рейдер загребезжал от сильного
взрыва, и из охваченного огнем люка упал
Онус, вместо

лица -- сожжённая плоть, силовая броня
утыкана осколками, изувеченные губы
бормотали безумные
стихи.

От пульты управления донесся крик
Укаруса: "Ворота не намерены
поддаваться!"

"Продолжай, Брат Укарус," -- проорал
Сцеволла. Он приготовился. Раздался
сокрушительный

треск разорванного металла, и, казалось,
каждая кость в теле завибрировала от
удара. Рыдания

демонического духа ударили в барабанные
перепонки. С пронзительным треском
голова Ферокса

откинута назад, из глотки показалась
туманная.

"Прорвались! -- крикнул Укарус. --
Повреждение вспомогательного реактора --
семьдесят

процентов, все системы вооружения
отключились --- "

"Открывай люки!"

"Невозможно... запорная рюна не
работает... мы ей больше не нравится!"

Угорь выполз из глотки Ферокса. Тогда, с
диким криком, Манекс схватил задний

люк обеими

руками и выворотил его. Зелёные отростки тумана потянулись в кабину. Крича в унисон, Сцеволла и

его отделение вырвались из машины.

Сцеволла ощутил, как поток времени снова встал. Манекс лежит, послуживший для своих

спутников, его броня пробита во множестве мест. За ним — Ларсус и Сургут, устремляющиеся к

выдвинувшейся против них фаланге Имперских Кулаков, из болтеров тянутся ленты выстрелов.

Шарн облизывает противника плавающим жаром, в то время как Ферокс, полностью

изменённый, тянется в сторону врага, из раны в пульсирующей угревидной мышце струёй хлещет

жёлтый ихор.

Меч Сцеволлы уже был в его руке, глинное и узкое лезвие с выгравированной у его кончика

единственной рунной. Рунный меч Форнакс
был пожалован Сцеволле, когда он
возложил свой первый

череп к изменчивому Алтарю Четырёх
Богов в демоническом мире Себакет. Как
давно это было?

Теперь его охотничьи успехи отмечала
пирамида из пяти сотен черепов. Он
задумался о форме

божественной благосклонности, в которую
вылилась бы его нынешняя победа.

Сцеволла жаждал только одной награды:
прекращения этого вечного преследования.
Боги

неустанно погоняли его для выполнения
клятвы. В то время как его люди
сражались ради

незамутнённого наслаждения резнёй,
Сцеволла больше не мог разделять их
воодушевление. Смерти

слились в одну, заглушая эмоции,
испытываемые от убийств. Его перестало
увлекать фехтование --

более не проявление мастерства, но

механическое действо. Он чувствовал опустошенность. Он

молил своих повелителей о милосердии, об освобождении от обета, который он выполнил пятьсот

раз, но они никогда не дали бы ему вольную. Единственным выходом из ситуации был побег.

Болт с грохотом отпрыгнул от нагрудника Сцеволлы. Мир соскользнул обратно в движение, и

дикая атака воинов Сцеволлы встретилась со стальной стеной жёлтой силовой брони. Сургит

возликовал: "Наконец-то! Враг, достойный моей ярости!"

С пульсирующим откликом, тяжелый болтер на верху разбитого Лэнг Рейдера ожил – Укарус,

передислоцировавшийся к оружейной башне, прижал подкрепление, пытавшееся вступить в бой.

"Дредноут!" Снаряды тяжелого болтера Укаруса барабанили, не причиняя вреда, по

ходячей

машине, энергично шагавшей в битву, сокрушительные когти были наготове, чтобы нанести удар.

Сцеволла выступил навстречу боевому гиганту, указующий меч бросал вызов. Как долго иссохшее

тело внутри этого ходячего гроба было принуждено обманывать смерть?

"Уменем четырёх богов, -- выкрикнул Сцеволла. -- Я окончу твои страдания."

Дредноут, покрытый символикой Имперских Кулаков, возвышался над Сцеволлой, но

толитвенные свитки и реликварные кости, украшавшие тушу ходячей машины, не могли оберечь её

от рунного меча, способного пробить любой из существующих металлов.

Шальная мина взорвалась между ними.

Белый свет поглотил зрение Сцеволлы, затем темнота. Он летел. Боли не было. Он запаниковал.

Еще не пришло время утирать! Сцеволла

уже выбрал способ своей смерти, и он был не таким.

Сцеволла с грохотом приземлился и попытался вдохнуть. Его зрение прояснилось, являя

нависший над ним Дредноут, не получивший во время взрыва ни царапины, его кулаки потрескивали

энергией. Пальцы вытянутой левой руки Сцеволлы заскребли по эфесу рунного меча.

Со зверским рыком из обломков Лэнг Рейдера вылез пошатывающийся гигант. Голова Опуса была

покрыта лохмотьями кожи; он ударил по корпусу Дредноута тактическими снарядами своей автомашки.

Хватка Сцеволлы соткнулась вокруг рукояти меча, и он набросился на угрожающий Дредноут,

чья броня обуглилась в том месте, где её пробил пылающий рунный меч. Сцеволла вытащил клинок

и отскочил назад. Окуляры Дредноута

вспыхнули зелёным, затем потухли до
черноты, и

металлическая громадина рухнула вперёд.

Сцеволла отсалютовал клинком. Нечто
древнее только что кануло в вечность.

Сцеволла подавил
зависть.

Воины Чёрного Легиона опустошили
строй Имперских Кулаков, хотя некоторые
ещё были живы,

несмотря на отрубленные конечности и
стертельные раны. Огин Космогесантник
лежал ничком с

кровавым месивом на месте ног и стрелял
из болт-пистолета до тех пор, пока не был
утихомирён

сокрушившим его ботинком Укарусса.
Другой, с расколотым шлемом и без глаз,
сражался вслепую,

почти обезглавив Ларсуса своим клинком,
прежде чем его прикончил цепной меч
лейтенанта.

Сургит подбежал к разрушенному
Дредноуту и затряс кулаком перед лицом

Сцеволлы. "Сүкин ты

сын! Этот должен был быть моим!"

Ларсүс оттеснил Сүргута в сторону.

"Сцеволла, нам надо идти. Армия лорда

Х'раксора

прорвалась."

Ворота были забиты мутантами в

масках, которые дрались друг с другом за

право первыми пройти

в брешь. Защитники бастионов

сосредоточили на этом полчище огонь, но

через труп каждого

скошенного или отродья перелезали еще

два таких же. Позади бурлящей

утирающей массы

воины-берсерки, одетые в алые доспехи и

шлемы с разверстыми ртами, прорубались

сквозь этот

сброд ценными мечами, распевая хвалы

своему кровавому божеству.

Отделение Сцеволлы находилось в

широком дворе, протянувшись между

защитной стеной и

грандиозными строениями города. Справа

огромных барьер боевых танков,
стреляющих заткнут

бреши. Слева подходили ряды солдат в
противогазах. Впереди, через двор, зиял
вход в

мануфактур, с трудом различимый
через туман, верх комплекса терялся в
красных облаках. Из

стыкающихся челюстей плоти и металла
был только один путь -- вперёд.

"Бойцы, за мной!" Сцеволла пропустил
через скрывающий туман к огромным
дверям.

Мануфактур был индустриальным
собором. Топки горели алтарями голодного
пламени, и

огромные баки, как священные кадила,
истекали гурнопахнущими испарениями.
Машины шипели, с

нетерпением ожидая возвращения к

жизни, трубы и мостки спиралью
завивались вверх в
отзывавшуюся эхом тьму. Дверь,
продырявленная одним мелта-зарядом, не
оказалась препятствием,
равно как и беспорядочное сопротивление
фабричных охранников; внутренности
сорока человек
украсили пол.

Сүргит плюнул на трубы: "Мы бежали от
армии, чтобы схлестнуться с простыми
разнорабочими."

"Мы не бежали, брат, -- резко возразил
Ларсүс. -- Мы на охоте, помни это. Шваль
снаружи не
заслуживает наших усилий."

"Тихо," -- бросил Сцеволла, и Сүргит и
Ларсүс отступили дуг от дуга. "Как
Манекс?"

"Способен проламывать черепушки."
Манекса перетащил в безопасное место
Опүс. Его броня

была усеяна дырами, а половина лица
представляла месиво из плоти. "Со мной

бывало и похуже."

"Ферокс?"

Ларсус пожал плечами. "Найдёт нас, когда наестся."

"Шарн, Укарус, готовы к бою?"

Шарн поклонился, затем продолжил изгнаться с белым пламенем ближайшей печи. Укарус стоял на

коленях, баюкая отсечённую голову фабричного чернорабочего.

"Зачем они сражаются с нами? Мы являем им свою мощь, однако они отказываются следовать

нашим путём. Мы проповедуем мечом и огнём, но с каким результатом?

Миллионы их гибнут за свою

веру в мёртвого Бога-Императора. Мы предлагаем тайное знание звёзд, но они предпочитают

умереть в невежестве. Почему, мой капитан?" Щеки Укаруса испещряли дорожки кровавых слёз.

Сцеволла мягко поднял подбородок боевого брата своей бронированной рукавицей.

Шрамы на

юном лице были свидетельством множества побед.

"Боги требуют жертв, мальчик. Мы -- жнецы, утоляющие их вечный голод. Эти люди -- не более

чем животные, годящиеся лишь для священного костра. Не проливай слёз над судьбой слабых."

"Но я должен, капитан. Я буду плакать, пока вся вселенная не преклонит перед богаты колени."

Сцеволла оценил рвение Укаруса, но не сказал больше ни слова. Пусть стакнётся эту ложь.

Когда-то Сцеволла тоже верил, что его призвание состоит в сокрушении уз порядка, сковывающих

галактику, но он познал на горьком опыте, что боги требовали войны лишь ради пустячного

развлечения. Лорд Х'раксор сражался все, чтобы завоевать славу, ибо как-только они устанут от

него, он будет свергнут и забыт. Наверное, и восстание Хоруса было для богов не более, чем

кратким увеселением. Возможно, и доставило удовольствие видеть, как их слуга пал на грани

победы, и наблюдать, как его армии скатываются во взаимную вражду. Именно ради их забавы

Сцеволла рыскал по галактике, ведя бесконечную кровавую охоту.

Пока он размышлял о воле своих божественных повелителей, незваные воспоминания наводнили его ум...

...Сцеволла держал на коленях утиравшего Космогесантника, чья жёлтая силовая броня была

забрызгана грязью битвы. Точно также были залепаны тусклые доспехи Сцеволлы. Окружающая

буря войны, по ощущениям, отдалась на десять тысяч лет. Сцеволла смотрел вниз на лицо боевого

брата: аристократический нос, мощный подбородок, хорошо вылепленный череп благородного

воина, непокорного даже в преддверии смерти. Серебристые глаза засли по мере того, как по капле

утекала жизнь, их стекленеющий взгляд преследовал Сцеволлу.

"Алеф, мой друг, ты можешь спасти себя!" Сцеволла давился словами. "Зачем ты поверил вранью

Ложного Императора? Твой повелитель — Хорус. Ты знаешь это, брат. Скажи это!"

Внутри Костогесантника оставалась лишь талая искра жизни, но губы Алефа не шевельнулись.

Молчание разожгло гнев Сцеволлы.

"Будь ты проклят, Алеф! Мы поклялись завоевать галактики вместе, в вечном крестовом походе,

никто не мог остановить нас. Помнишь, как мы зачистили Гарусник Крора? Как мы в одиночку

защитили монастырь Самраноса от

рочьих орг Старбайтера?"

В эру Великих Крестовых Походов, когда
Легион Сцеволлы звался Лунными
Волками, Имперские

Кулаки сражались с ними бок о бок во
множестве битв. Было общеизвестно, что
Хорус, притарх

Лунных Волков, уважительно пошутил
как-то, что война между его Легионом и
Имперскими Кулаками
длилась бы бесконечно.

На Цестусе II, в битве при Трэльском
Водопаде, Сцеволла спас капитана
Имперских Кулаков

Алефа от анаков, чудовищных аборигенов
планеты. Узы дружбы связали двух
Космодесантников, и, когда пути их
Легионов пересекались, они вместе бились
во многих сражениях. Но после того, как

Хорус показал свою истинную сущность,
Сцеволле не удалось убедить друга в том,
что путь Воителя

ведёт к славе. Восстание разделило их, и
они не виделись до осады Императорского

творца на

Земле, когда Сыны Хоруса атаковали
Врата Вечности, охраняемые
Имперскими Кулаками. Сцеволла
разыскал своего бывшего боевого брата в
перестрелке поля боя. Они сразились, и Алеф
пал,

пронзённый мечом Сцеволлы.

Сцеволла помнил последние слова,
сказанные им умиравшему
Костогесантнику. "Вся слава, за
которую ты сражался, брат, обратилась
в прах."

Только тогда губы Алефа шевельнулись.
"Не за нашу славу, брат, — выплюнул он
вместе со

сгустком крови. — Во славу Императора."

Сцеволла фыркнул. "Твой Император
сражается, защищая людей без чести,
слабаков, рабов,

которые прячутся, пока мы, доблестные
мужики, проливаем за них свою священную
кровь. Твой

Император мог бы стать богом, а мы —

его ангелами, но он предпочёл впрячься в
ядро охраны своего

блеющего стада." В словах Сцеволлы
появилась настойчивость. "Загляни в свое
сердце. Ты знаешь, что я прав."

Алеф покачал головой.

Горячие слезы заструились по щекам
Сцеволлы. "Я предлагаю тебе свободу,
брат, а ты

выбираешь смерть."

Сцеволла страдал от сотен ран, но ни
одна ещё не болела так сильно. Алеф
осудил Воителя, и

принудил руку Сцеволлы к братоубийству.
Алеф предал своего боевого брата.

"Дурак!" – зарычал Сцеволла. "Я спас тебя.
Ты обязан мне жизнью. Слушай меня. Я
снова могу

уберечь тебя: отрекись от ложного
Императора и присоединяйся ко мне."

Алеф хрипло растеялся. "Если бы
Император наделил меня даром
предвидения, я предпочел бы

быть заживо растерзанным анаком,

нежели спасённым отпрыском безумного
поглеца."

Ярость овладела Сцеволлой.
Пронзительная горечь страдания
стенилась гневом, сладким на
вкус.

"Ты дерзаешь насмехаться над
Божием? Я клянусь, и призываю
четырех богов в свидетели, что
отомщу за твои оскорбления
тысячекратно."

Безумный стех эхом отозвался в голове
Сцеволлы.

"Я буду выслеживать и убивать твоих
потомков, до конца времен. Твои сыны
будут страдать от
моего клинка из-за твоей преданности
моему слабосильному Императору."

Сцеволла сорвал броню с груди Алефа и
погрузил руки глубоко в плоть. С
тошнотворным

хлопаньем он извлёк из тесива железу,
бронированные рукавицы стали влажными
и красными.

Сцеволла гразнил Алефа кровавыми
трофеями, пока в глазах того не потух
свет." Я буду проигрывать
это мгновение победы над тобой снова и
снова."

Он любовно разместил орган в мёртвых
руках Алефа. Прогеноидная железа
содержала геносемя,
необходимое для развития приемника
Алефа. Апотекарии прочёсывали поле боя,
под огнём собирая

драгоценное сырьё. Когда они вернут
прогеноидную железу Алефа, его сущность,
внедрённая с

геносеменем, будет жить в новом
рекруте. Сцеволла будет преследовать
каждого из его

генетических наследников и заставит их
пережить ту же судьбу, что постигла их
предтечу. Он связал

себя этим обетом, когда воззвал к
четырёх богам.

Сцеволла поднялся и обратился к трюну:
"Из черепов твоих наследников я воздвигну"

монумент

отвергнутым тобой четырём богам. Твой
ляжет в его основание."

Он обезглавил бывшего боевого брата
стремительным ударом клинка. Когда он
нагнулся, чтобы

поднять упавшую голову, появился Ларсус,
спотыкаясь об останки на поле брани, на
окровавленном

лице была написана паника. Сцеволла
поблестел, услышав его слова.

"Капитан, все надежды потеряны.
Воитель мёртв. Мы должны идти!"

"Что ты сказал?"

Ларсус повторил, громче...

... Прошлое потускнело. Сцеволла вернулся
свой ум в настоящее. Ларсус тряс его за
плечо.

"Капитан, мы должны идти. Армия
Х'раксора стяла внешнюю оборону."

Снаружи, триумфальные боевые кличи
вторгавшейся орды заглушали крики
защитников.

Сцеволла затер, глубоко дыша. Его добыча

была близко. Его чувства влекло к
фабричным высотам.

"Мы идем наверх."

На глазах Сцеволлы солдат совершил
прыжок в зев цистерны далеко внизу и со
всплеском исчез в

горячем вареве, последний из тех, кто
вступил в бой с его отделением, пока они,
ведомые чутьём

своего командира, взбирались по
лестницам и мосткам к более высоким
уровням фабрики.

Отделение стояло перед рядом крепких
дверей. Сцеволла едва ли не физически
ощущал за ними

присутствие своей добычи. Не привлекая
внимания других, он отвёл Ларсуса в
сторону. "Лейтенант,

что бы ни случилось, не встречайте,
чтобы спасти меня. Если я паду, это воля

богов. Отнеси мою

голову на Себакет и возложи мой череп на
верх алтаря в знак моего поражения."

Ларсус выглядел ошеломлённым. "Ты о
чём, капитан? Ни одна душа в этой
галактике не сможет
победить тебя."

Сцеволла отвернулся от своего
лейтенанта. Он указал на двери. "Онус?"

Громила разбежался и вынес их плечом. Из
пролома брызнул гневной свет. Сцеволла
проследовал через него, остаток его людей
— прямо за ним.

Снаружи находилась широкая плаза,
открытая порывистому ветру, с видом на
увитые туманом

поля сражений далеко внизу. Низкие
облака гневно-красного цвета затягивали
небо. Поперек плазы

выстроился в шеренгу взвод Имперских
Кулаков. Самый высокий из них носил
голубой плащ до

земли и золотой венок офицера. Богато
украшенный меч в его руках шипел

энергией.

Сцеволлу охватило волнение. На благородном лице Капитана Деметроса были выгравированы

черты Алефа. Он рявкнул свой приказ: "Капитан мой. Уничтожьте остальных."

Атакующие воинов приветствовали вскриками болтеров, чёрные доспехи вбирали в себя смертельный

удар. Сцеволла смотрел на продвижение своего отряда.

"Прощайте," -- печально шепнул он, затем пробормотал обещание богам. "Пора положить конец

вашей забаве. Не возложу ни черепка более к вашему алтарю."

Сцеволла выступил вперёд, выделяя капитана своим рунным мечом. Пять сотен раз он

воспроизводил эту сцену. Пять сотен раз он побеждал своего сереброглазого соперника, наследника

Алефа, и забирал трофеем его голову. Он давным-давно насытил свой гнев. Ему снова

и снова

приходилось переживать боль убийства
своего товарища, и он больше не мог этого
выносить.

Сцеволла пошёл по кругу, чёрный волк,
выслеживавший свою жертву. Его соперник
встал в

дугельную стойку, силовой меч одинаково
готов как парировать, так и рубить.

Приближаясь,

Сцеволла заметил, как серебристые глаза
Деметроса сузились в слабом узнавании.

Этот серебряный

взор поймал взгляд Сцеволлы, перенося его
в другое время, другое место...

...Звук битвы ревела: взрывы, выстрелы и
крики умирающих. Земля сотрясалась от
поступи ног

Титана, рассеивавшего перед собой
отряды Имперских Кулаков.

Величественные Врата Вечности,

сердито взиравшие на поле боя,
сотрясались от жгучих поцелуев сотен
ракет. Над головами, плюясь

смертью, завизжал боевой катер, и
множество наступавших Сынов Хоруса в
тумских доспехах пали

под огненным дождем. Грязь от взрывов
заляпала броню Сцеволлы, но он не дрогнул.
Пока он

кружил вокруг своего противника,
какофония битвы была для него не более,
чем бормотанием,

смазанные картины окружающей
жестокости -- простой иллюзией.

"Брат Сцеволла, -- противник Сцеволлы с
серебристыми глазами нарушил молчание.

-- Я скучал по
тебе."

"Как и я по тебе, Брат Алеф." Сцеволла
печально улыбнулся. "Сложи свой меч. Ты
сразил

множество слуг Воителя, но я поручусь за
тебя перед ним. Он простит."

"С чего бы мне возлюбить Воителя?" --
выплюнул Алеф. Его глаза посуровели. "Его
безумие

разрушило все, за что боролся Император.

Свой Воитель похитил твой рассудок,
Сцеволла. Живи в
своей лжи хоть десять тысяч лет, но
твое сердце устанет от страстей, и от
тебя останется лишь
пустая оболочка." Алеф глубоко вздохнул,
его черты наполнились сожалением.
"Пусть это кончится

здесь, мой друг. На острие моего клинка.
Мне не под силу спасти тебя от твоего
прошлого, но я могу
уберечь тебя от будущего."

Ни один не отвел взгляд.

Алеф медленно кивнул. "Да будет так.
Сразится..."

...Сцеволлу выдернуло назад в настоящее,
когда клинок Деметроса выпрыгнул,
казалось, из

ниоткуда. Он парировал быстрым блоком,
рунный меч заискрился, когда он отклонил
вниз силовое

оружие соперника. Деметрос попытался
разоружить его резким рывком клинка, но
Сцеволла оказался достаточно проворен и

отреагировал контрударом. Деметрос
слезка наклонил
голову, и взмах рунного меча лишь
скользнул по его щеке.

...

Жуткие завывания нарушили
концентрацию противников. Ярость,
огнетая в причудливые доспехи,
плоснящиеся от крови, вырвалась из дверей
плазы. Из разверстых ртов боевых шлемов
понеслись
огды Кровавому Богу, когда берсерки
набросились на Имперских Кулаков, рубя
ценными топоратами.

Один из безумных нападвших изжиноквал
Костодесантника, но, в свою очередь, был
выпотрошен

Сурзиготом, из под носа у которого он увёл
добычу. Вскоре на плазе началась
беспорядочная свалка:

чёрные, жёлтые и красные силовые
доспехи сражались друг с другом.

Пять берсерков устремились к Капитану
Деметросу.

"Нет!" -- закричал Сцеволла, снося голову
одному из них взмахом клинка.

Безголовое тело проковыляло вперёд,
рухнув позади изумлённого

Костодесантника. Сцеволла

развернулся, чтобы отвлечь на себя двоих
из оставшихся берсерков. Деметросу
пришлось

защищаться от второй пары. Они стояли
вместе, почти что бок о бок, блокируя
каждую из бешеных

атак. Хоть напавшие и осыпали их
ударам со всех сторон, они платили за
это небрежностью своей обороны. Ценной
топор прогудел над головой Деметроса,
который

пригнулся и вогнал свой клинок глубоко в
грудь его обладателя. Другой берсерк с
энтузиазмом

набросился на Сцеволлу, и тот подскёк ему
ноги, обрезанные культи задытились в
том месте, где их

отрубил рунный меч.

Ценной топор с хрустом пробил наплечник

Деметроса. Тот проигнорировал рану, но отшатнулся

назад, потеряв равновесие. Поклонник Кровавого Бога с воет поднял своё оружие, чтобы нанести

смертельный удар, но топор остановился в сантиметрах от черепа Деметроса, встреченный мечом

Сцеволлы. Сцеволла со скрежетом повёл клинок вниз по древку оружия, прорезав гарду и искалечив

пальцы, сжимавшие рукоятку, затем обезглавил его хозяина дуговым ударом. Деметрос припал на

колени, выпотрошив последнего нападавшего. Сцеволла повернулся лицом к выпрямлявшемуся

Улперскому Кулаку, с чьего клинка соскальзывало тело берсерка.

Сцеволла отвесил легкий поклон. "Прямо как в старые времена."

Деметрос нахмурился. "Я уже видел, как ты сражаешься."

"Мы никогда не встречались, — Сцеволла

люкаво улыбнулся. -- Но я проливал твою
кровь много,
много раз."

Деметрос медленно потряс головой. "Ты
ненормальный."

Воины Сцеволлы сформировали вокруг
поединщиков защитное кольцо. У их ног
лежал кровавый

круг из берсерков и Костогесантников.

"Прикрывайте капитана!" -- выкрикнул
Ларсус, когда ревущая волна берсерков и
мугантов

нахлынула на плазу.

"Свежее мясо," -- довольно завопил Сургит,
крутя своим силовым мечом над головой.

Сражение было лишено всякого порядка,
Имперские Кулаки и берсерки кромсали
друг друга,

муганты были пойманы в ловушку
рукопашной и искрошены в кровавую кашу.
В гуще этой суматохи

воины Сцеволлы лишали жизни всякого,
кто пытался прорвать их круг. Пока они
сражались, Опус

нел, Цкарүс плакал, Манекс рычал, а Шарн убивал молча.

Сцеволла и Деметрос стояли, не тревожимые ничем, посреди своей арены.

Деметрос нахмурился. "Ты защищаешь меня от своих собратьев. Ты жаждешь убить меня.

Почему?"

"За преступления твоего родителя," — ответил Сцеволла. "Давным-давно, он нанёс огромное

оскорбление моему господину. Но удача улыбается тебе, Деметрос. Именно ты восстановишь честь

своего отца. Давай завершаться. Мои люди сильны, но две армии им не удержать."

Сцеволла коснулся своего лба кончиком оружного меча, отдавая салют. Деметрос стоял

неподвижно. Клинки размазались, затем оба обратились в статуи. Ни один не выказал усталости.

Ложный выпад Костодесантника, ответ

Сцеволлы, быстрые атаки и контратаки блокировали друг

друга снова и снова. Сцеволла закрутил свой клинок, и меч его противника вылетел из захвата, с

лязгом приземлившись между ними. Рунный меч Сцеволлы засиял, как-будто предвещающая грядущее

убийство, но Сцеволла опустил клинок и подбросил упавший силовой меч ловко поймавшему его

Деметросу.

"Герой никогда не должен быть беззащитным," -- произнёс Сцеволла.

Деметрос ответил молниеносным выпадом, но Сцеволла парировал. Тогда Деметрос исполнил

блестящий обходной манёвр, и его меч пробил оборону Сцеволлы.

Мир вокруг Сцеволлы затер, клинок завис в секунде от попадания в сердце. В этот финальный

момент он почувствовал себя живым, страх и эйфория смешались в один

восхитительный коктейль.

Его клятва была нарушена; наконец-то он успокоится.

Но если бы Сцеволла сместил свой корпус чуть вправо, клинок прошел бы параллельно броне,

нанося глубокую, но не смертельную рану.

Сцеволла остался неподвижным.

Действительность нахлынула обратно с всасывающим рёвом, и клинок погрузился в чёрные

силовые доспехи. Сцеволла улыбнулся. Силовой меч пробил его сердце и разрубил броню на спине.

Когда клинок освободился, Сцеволла всё ещё стоял.

"Прекрасный удар, мой друг. Достойный того, чтобы лишить меня жизни."

Сцеволла удивился, что тертвец может говорить. Боли не было. Шум окружающей битвы не

удалялся прочь.

Деметрос отшатнулся назад, приходя в бешенство. "Как такое может быть?"

Демон!"

Сцеволла посмотрел вниз, на разрез в своей груди. Там, где должна была струиться кровь,

находилась дыра. Тысячи звезд, подобно злорадным глазам, вились внутри раны, как если бы она

пронзала ткань пространства. Безумный стех зазвучал в голове Сцеволлы: четыре ужасных голоса.

Он открыл рот, но говорить начали они: "Ты полагаешь, что чемпиона Тёмных Богов может убить

царапина? Чтобы отсечь нити этой тарионетки, недостаточно простой шавки Нса-Императора."

Сцеволла сражался за контроль над своим языком. "Ты не сможешь убить меня. Беги, брат.

Спасайся!"

Деметрос устехнулся. "Бежать? Я Космический Десантник ордена Имперских Кулаков. Я не бегаю."

Рунный меч Сцеволлы жадно светился. Он
закричал в небеса: "Я не буду убивать его!"
Эта схватка
бесчестна!"

Когда Деметрос снова приблизился, чтобы
убить, Сцеволла попытался подставить
шею под

приближавшийся клинок, но рунный меч
поборол его волю и с лязгом блокировал
удар. Сцеволла

снова ударил, его конечности не
принадлежали ему, и Деметрос откинулся
назад, горло пересекала

нить сожжённой плоти. Костомодесантник
упал на колени с бесстрастным лицом,
силовой меч лязгнул о
землю.

Перекрывая шум боевых гимнов Имперских
Кулаков, дикие песнопения берсерков и
вопли

утиравших лутантов, Ларсус крикнул
своему капитану: "Дело сделано. Мы
должны уходить --
сейчас!"

Сцеволла смотрел на тело Деметроса. Он решил отдать Шарну приказ сжечь труп, уничтожая

прогенитивные железы и тем завершая охоту.

Внезапно на плазу ворвалась гряда пульсирующих мышц, стянутая внутри чёрного панциря,

слившегося с плотью. Ненасытная угревидная конечность кусала и глотала. Ферокс получил

последний дар варна: он стал его отродьем. Он будет бездумно умерщвлять для развлечения богов.

Приказ Сцеволлы умер у него на губах. Глядя, как то, что когда-то было Фероксом, убивая,

скулило и бормотало, Сцеволла понял, какая судьба ожидает его, если он попробует изменить своей

клятве. Он похолодел. Боги никогда не позволят охоте прекратиться. Он трачно поклонился

мёртвому противнику. Лучше стириться

с рабством, чем позволить пожрать
остатки своей
человеческой сути. "До следующей
встречи, мой друг." Слова оставили
горький привкус.

Он отсёк голову Деметроса своим мечом
и подобрал трофей за волосы: еще один
череп для
изменчивого алтаря.

Ларсус выкрикнул приказ. "Отделение,
сходись! Мы возвращается на Козомь!"

Защитное кольцо вокруг Сцеволлы
сжалось в узел, он щёлкнул
переключателем на поясе, и

отделение затерцало и исчезло; водоворот
битвы хлынул в пространство, которое
они покинули.

...

Не обращая внимания на происходящее
вокруг него зверства, Апотекарий снова
леж трупов

своих павших боевых братьев, собирая
драгоценное геносемя. Он опустился на
колени перед телом

Капитана Деметроса.

"Слёзы Императора, -- воскликнул он. -- Они забрали его голову!" Ощущая камень на сердце, он

пробормотал отходную молитву и извлек из себя жизнотворную жидкость из прогенитивной железы в груди

труна своим регулятором. "Твоя линия будет жить, чтобы отплатить за это злодеяние, мой капитан."

Где-то в эфире раскатился стех. Утра будет продолжаться.

...